

Несколько поздних севернорусских записей сербской баллады о Йове и Маре (из архивов Карельского научного центра Российской академии наук)

Александр Михайлович Петров

(Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН:
Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская д. 11)

Аннотация. В публикации представлены фольклорные материалы из архивов Карельского научного центра Российской академии наук. В 1970–1980-е гг. фольклористам Карельского научного центра удалось записать на магнитофон три прозаических варианта редкой баллады о Йове и Маре. Текст имеет сербское происхождение, впервые баллада была опубликована Вуком Караджичем. На русский язык ее переводили А. Х. Востоков, Н. Ф. Щербина, А. Ахматова и П. Эрастов. В русскую народную культуру баллада попала благодаря переводу Н. Ф. Щербины. Именно поэму Н. Ф. Щербины пели или пересказывали носители фольклора, хотя широкого распространения она не получила. Единичные следы бытования баллады на Русском Севере обнаруживаются уже в XIX в., ее первооткрывателем стал А. Ф. Гильфердинг. К концу XX в. баллада существовала уже в виде прозаического пересказа. Публикация снабжена некоторыми комментариями: отмечены сходства и отличия устного пересказа от литературного текста Н. Ф. Щербины, даны пояснения к некоторым «темным местам» пересказа.

Ключевые слова: фольклор, баллада, Вук Караджич, Николай Щербина, сербско-русские культурные связи, Карелия, Карельское Поморье, экспедиция, архивы.

Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 124022000077-1).

Дата поступления статьи: 13 февраля 2026 г.

Дата публикации: 30 июня 2026 г.

Для цитирования: Петров А. М. Несколько поздних севернорусских записей сербской баллады о Йове и Маре (из архивов Карельского научного центра Российской академии наук) // Традиционная культура. 2026. Т. 27. № 2. С. 109–118.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.2.008>

В 1970–1980-е гг. сотрудники Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (в то время — филиала АН СССР; далее — ИЯЛИ КарНЦ РАН) — фольклористы, этнографы и музыковеды — вели большую собирательскую работу в разных районах Карелии [Марковская 2024]. Исследователями был записан фольклорный материал, часть которого опубликована, а часть до сих пор хранится в научных архивах — Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН, Научном архиве Карельского научного центра РАН. Современную фольклористику Карелии невозможно представить без этой эмпирической базы.

Исследователи помимо традиционных для севернорусского фольклора материалов зафиксировали и довольно необычные, редкие тексты, которые проникли в устную народную традицию этого региона весьма затейливым путем и не без помощи книжной культуры. К числу «экзотики», попавшей в сети собирателей, можно отнести пересказ баллады «Йово и Мара». Ценность этого текста станет яснее, если мы хотя бы кратко напомним историю его появления на русской почве.

В России баллада получила известность после выхода в свет художественного перевода Н. Ф. Щербины в сборнике-хрестоматии «Пчела» [Щербина 1866], впервые же этот перевод был опубликован Н. Ф. Щербиной в 1860 г. [Щербина 1860], он был назван переводчиком «сербской народной поэмой». В основе этой литературной поэмы лежит сербская народная песня, известная еще по сборнику Вука Караджича [Караџић 1841].

В свое время этот сюжет вызвал интерес А. Х. Востокова, ставшего первым переводчиком баллады на русский язык [Маројевић 1987, 14; Петров 2023, 13]. А. Х. Востоков осуществил перевод с издания В. Караджича «Народне српске пјесме» 1824 г. [Орлов, Лихоткин 1979, 535]. Позже балладу переводили А. Ахматова и П. Эрстов [Петров 2023, 24], однако именно переводу Н. Ф. Щербины была суждена долгая жизнь в русском фольклоре.

Существуют две версии сюжета — краткая и более пространная. А. Х. Востоков перевел первую (краткую) версию (*Смрт драге и драгога*), Н. Ф. Щербина — вторую (длинную), причем Н. Ф. Щербина переводил не по публикациям В. Караджича, а по некой рукописи, сведений о которой не привел [Щербина 1860, 15]. В изданиях В. Караджича нет имен *Йово* и *Мара*, героев зовут *Иве* и *Јелина*, а в боснийских версиях — *Омер* и *Мерима*; в краткой версии *Смрт драге и драгога* герои и вовсе безымянны. Вероятно, имена *Йово* и *Мара* фигурировали в рукописи, с которой переводил Н. Ф. Щербина, либо же стали плодом его поэтического воображения. Сюжет зафиксирован в СУС под номером 365С*, он называется «Поцелуй возлюбленной» («Омер и Мерима») [СУС, 126].

Вот ключевые мотивы стихотворения Н. Ф. Щербины: «Юные Йово и Мара растут по соседству и любят друг друга; мать Йовы хочет женить сына на богатой девушке Фате (Фатиме) против его воли; сына насильно женят; он пишет завещание и умирает; гроб с его телом проносят мимо дома Мары; она целует любимого и умирает; юношу и девушку хоронят в одной могиле; над их могилами вырастают два дерева и переплетаются ветвями» [Петров 2023, 12].

В русском фольклоре ближайшая типологическая параллель — баллада «Василий и Софья» [Смирнов 1965, 56]. Мотив погребения в одном гробу известен и по «Повести о Петре и Февронии Муромских». В этом же сюжетном ряду — сказание о Тристане и Изольде. Во многом баллада напоминает и о шекспировских героях — Ромео и Джульетте. Трагедия любви стала «вечным сюжетом» мировой культуры.

Следы бытования на Русском Севере поэмы Н. Ф. Щербины неоднократно отмечались исследователями. Первым, кто установил факт бытования баллады в севернорусском фольклоре, стал А. Ф. Гильфердинг [Там же, 55], записавший текст от крестьянки Матрены Григорьевны Меньшиковой в 1871 г. на Кенозере (современная Архангельская обл.). Исполнительница пела стих как былинку.

Далее редкие сведения о бытовании баллады в устной традиции фиксируются на разных территориях: Сумский Посад, Терский берег Белого моря, д. Юбра на р. Пинеге, д. Гольяницы в северо-западной части Водлозера (Пудожский р-н Карелии), в Архангельской области [Там же, 55–57], в том числе в Плесецком районе [Дранникова 2002, 64–66]. Поздние прозаические пересказы причисляются фольклористами к сказкам [Там же, 203].

Эту балладу знали и в Беломорском районе Карелии, причем бытовала она не только в Сумпосаде. В августе 1972 г. рассказ о Йове и Маре был записан в с. Колежма от Феклы Ивановны Мыхиной собирателями А. П. Разумовой и Е. И. Русаковой в рамках фольклорно-этнографической экспедиции (аудиозапись [ФА. 1786/11], текстовая расшифровка [НА. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 131. № 310. Л. 158–159]). Исследователи атрибутировали текст как легенду.

Зафиксировать такой сюжет в Карельском Поморье удалось благодаря особой тщательности собирания материала: исследователи «с начала 1960-х до начала 1980-х гг.» [Разумова 2011, 13] вели фронтальное изучение фольклорных традиций региона, «осуществлялись записи текстов всех разновидностей фольклора, а также этнографической информации: от заговоров и обрядовых песен до современных устных рассказов и детского фольклора» [Разумова 2011, 13].

Спустя девять лет, в июне 1981 г., в очередной экспедиции исследователи вновь записали пересказ баллады — на этот раз от двух исполнительниц — Феклы Ивановны Мыхиной (повторная запись) (аудиозапись [ФА. 2623/5], текстовая расшифровка [НА. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 44. Л. 123–126]) и Зинаиды Кирилловны Синицыной (аудиозапись [ФА. 2623/9], текстовая расшифровка [НА. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 48. Л. 137–138]). Место записи прежнее — с. Колежма Беломорского р-на, собиратели — А. П. Разумова, И. А. Разумова.

Особенность всех трех вариантов заключается в том, что это уже пересказы

прозой; стихом исполнительницы спеть не смогли. Жанровую принадлежность записанных текстов определить трудно: в сюжетном плане это классическая любовная баллада, но для баллады не характерно бытование в прозаической форме. Пересказ напоминает сказку (не случайно он зарегистрирован в СУС), но, как нам представляется, в нем нет установки на вымысел, необходимой для сказки. Едва ли текст можно определить и как легенду, поскольку термином «легенда» фольклористы обычно обозначают традиционные прозаические рассказы на религиозную, христианскую тематику. Пересказ, следовательно, занимает промежуточное место в жанровой системе фольклора и однозначному определению не поддается. Можно назвать получившийся текст *устным прозаическим пересказом любовной баллады*.

Повествование во всех случаях имеет довольно сбивчивый характер. Сюжет исполнительницы помнят лишь в общих чертах, при этом хорошо заметно, что он привлекает их своей поэтичностью и особой трагической красотой, как и всякая история о несчастной любви. Баллада вызывала сильные эмоции, в текстовой расшифровке, сделанной собирателями, имеется характерное примечание к эпизоду смерти Мары: «Исполнительница Мыхина плачет» [НА. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 44. Л. 126].

Однако и в прозаическом пересказе, пусть без мелодии, все же мелькают следы стихотворного оригинала, в устном повествовании иногда хорошо заметны остатки литературного трехстопного анапеста, возникает прозиметрия, ср.: *«Двое юных в любви вырастали, юный Иво и девушка Мара, с малолетства до полного возраста, значит, оне любили. Как увидят, так радостно станет»* [ФА. 1786/11] (Ф. И. Мыхина); *«Двое милых, любясь, вырастали: // Юный Йово да девушка Мара, // С малолетства, от третьего года. // Их увидишь — так радостно станет»* [Щербина 1860, 5] (перевод Н. Ф. Щербины); *«Будьте вы прокляты, те злые люди, говорит, кто двух милых в любви разлучает, а немилых любить*

заставляет» [ФА. 1786/11] (Ф. И. Мыхина); «Накажи ты молодых и старых, // Кто двух милых в любви разлучает» [Щербина 1860, 14]; «Боже правый! Накажи старуху, // Что двух милых она разлучила, // Двум немилым велела любиться...» [Там же, 9] (перевод Н. Ф. Щербины); «Ну и, значит, утром солнце высоко встало, новобрачны со сна не вставают» [ФА. 2623/5] (Ф. И. Мыхина); «И тогда, как заря показалась, // День зажегся и солнышко встало, // Разбудить их хотела старуха, // И на вышку взойшла к новобрачным» [Щербина 1860, 11] (перевод Н. Ф. Щербины).

Из-за обрывочности повествования в тексте появляются «темные места»: «За горы есть Фатима, говорит, она не знает, что день, что ночь, не видала она в поле муравки» [ФА. 1786/11]. В подобных случаях необходимо обращение к первоисточнику — поэме Н. Ф. Щербины. Смысл процитированной фразы в том, что Фатима (Фата), на которой мать хочет женить сына, происходит из знатного, богатого рода и выросла в роскоши в доме, не видя мира и не зная людей, не ведая мирских бед; это чистая, невинная девушка: «Фата с детства взлелеяна в клетке, // И не знает, что солнце, что месяц; // Не видала, как хлеб зеленеет, // Не видала муравки на поле, // Не видала ни разу мушины» [Щербина 1860, 6].

Отдельные реплики диалога Фатимы с матерью Йовы также требуют комментария: «Дак вот, говорит, милая Фатима, меж горами, говорит, есть грозная вила, она злато с коня да срывает, а я за него заступилась, чтобы моего единородного сына не убило» [ФА. 1786/11]. Златом в поэме Н. Ф. Щербины названа Фатима: Фата, Атлагича Злато (т. е. для родителей дочь — самое дорогое, что у них есть). Атлагичи — знатный род, к которому принадлежит Фатима. Описание грозной вилы должно послужить правдоподобным объяснением, почему свататься не явился сам жених: мать оберегает сына и якобы именно поэтому пришла к невесте одна (в поэме — со сватами).

Когда мать привозит Фатиму, Йово отказывается от нелюбимой невесты: «Нет, майка, не пойду. Коль я заклинался, дак будь крепче камня» [ФА. 1786/11]. Здесь речь идет о клятве верности и вечной любви, которую Йово некогда дал Маре, ср.: «Не пойду я, ей-Богу, родная! // В чем клялся я — будет тверже камня...» [Щербина 1860, 8].

Однако в целом фабула литературной поэмы передана довольно точно, иногда части композиции могут незначительно перемещаться. Сохраняются в устном пересказе и некоторые сербские реалии: *скриня* (*скрыня*), *чемерица*, *майка*, *вила*. При этом хорошо заметны попытки осмыслить непонятные слова. Например, собиратели спрашивают: «А что за скрыня?», исполнительница отвечает: «А скрыня... стул» [ФА. 2623/5]. В действительности это сербское слово: *скриња* — ‘сундук, ларь’. Оно позаимствовано исполнительницей из поэмы Н. Ф. Щербины: «Села злато на мягки подушки, // Йово сел на узорную скриню» [Щербина 1860, 9], т. е. Йово сел не на стул, а на сундук.

Непонятная *вила* в пересказе З. К. Сидницыной превращается в *иву*: «А, говорит, на горе стоит большинская ива, убьет мне единого сына» [ФА. 2623/9]. Думается, что эта замена подсказана и созвучием с именем главного героя — Иво (Ива, Йово). Эта же ассоциация, скорее всего, лежит и в основе переосмысления финального эпизода: «Дак на Ивы вырос бор, а на Мары боровика. По бокам их вились главные-славные ивы, а на среди их росла чемерица» [ФА. 2623/5]. Здесь перечислены и бор, и «боровика», и ивы, и чемерица. Ивы — это индивидуальное привнесение Ф. И. Мыхиной, ср. у Н. Ф. Щербины: «Из Йована вырос бор зеленый, // А борики выросла из Мары, // И по бору вилася борики, // Словно вьются шелковые нити // По пучку из душистаго смиля, // Чемерица ж — возле их обоих...» [Щербина 1860, 14]. Ср. с фольклорным текстом: «Из Омера зелен бор никао, // Из Мериме зеленаборика; // Борикасеокоборавила, //

Кано свила око ките смиља; // Чемерика
око обадвога» [Караџић 1841, 259].

Чемерица (серб. *чемерика*) — растение, символизирующее горе, печаль [Щербина 1860, 18]. Однако и образ *ивы* оказался в данном случае к месту: это также символ печали, грусти, тоски (плакучая ива). На вопрос собирателя: «А боровика-то это что такое?» Ф. И. Мыхина ответила: «Наверно, растение такое» [ФА. 2623/5]. Затруднения исполнительницы понятны: слово «борика» ей незнакомо, однако включаются русские словообразовательные модели: боровика — черника, голубика, ежевика, земляника. При этом в сербском языке есть слово «боровица» — ‘можжевельник’, ‘черника’. Этот эпизод всегда доставлял некоторые трудности и переводчикам, и читателям поэмы, и носителям фольклора, поскольку *бор* в сербском языке — это ‘сосна’, из-за чего иногда возникали недоразумения: «На иной могиле вырос бор, на другой — борица. Кто по етому бору и борице ходит, тот ету старуху проклиняет...» [Смирнов 1965, 59]. В вариантах, опубликованных В. Караджичем, также находим большое разнообразие: *зелен бор — румена ружица* [Караџић 1841, 240], *зелен бор — винова лозица* [Там же, 244], *зелен бор — зелена борица* [Там же, 259]. Необходимость соблюдать форму мужского и женского рода (юноша и девушка) приводила к появлению в русских литературных переводах *дуба* и *сосны*; *дуба* и *розы* [Петров 2023, 25, 27]. Русский эквивалент *дуб* удачен благодаря односложности — для лучшей имитации ритма оригинала (*бор — дуб*).

Сохранилось в русских пересказах и сербское слово *майка* (мать) в исконном значении, но, разумеется, с утратой звательной формы *майко*. При этом в рукописных расшифровках, сделанных собирателями, заметны колебания: слово пишется то с прописной буквы, то со строчной: «Майка — майка». Вероятно, исследователи могли сомневаться: *майка* — это имя собственное или нарицательное?

В то же время непонятные реалии могут и устраняться из текста. Например, из русских пересказов исчезло сербское слово *мáрама* (платок, шаль, косынка): «И надень мне тонкую рубаху // Ту, что Мара по любви мне сшила, // Повяжи мне шитую мáраму, // Что мне Мара, любя, вышивала, // Положи мне цветочки гвоздики, — // Ими Мара меня убирала» [Щербина 1860, 12]. Ср. в пересказе: «Утрите меня тем полотенцем, которое мне Мара любя вышивала. И оденьте мне туую рубаху, котору мне Мара любя вышивала. Уберите мне гроб тема цветамы, которы мне Мара любя поливала» [ФА. 2623/9].

Балладе о Йове и Маре была уготована интересная судьба, народный сюжет проделал долгий путь: фольклор → публикация → литературная обработка и художественный перевод → вторичная фольклоризация на русской почве. Сербский текст и русский пересказ, с одной стороны, отделены друг от друга пространством и временем, с другой — связаны невидимыми, но прочными нитями.

Ниже представлены публикации всех трех выявленных вариантов. Тексты подготовлены на основе аудиозаписей из ФА, расшифровки выполнены нами. В устном исполнении не всегда понятно, как произносится имя героя: *Ива* или *Иво*. Мы отразили свои сомнения в соответствующих вариативных написаниях. Разного рода побочные диалоги (иногда в рассказ «вклинивается» голос человека, находящегося рядом с рассказчиком) и дефекты исполнения, самоперебивы мы опустили и обозначили их угловыми скобками с многоточием <...>. Попутные размышления исполнителей, их разъяснения или вопросы взяты в круглые скобки и выделены курсивом. Вопросы собирателей в тексте взяты в угловые скобки < >. Паузы и места обрыва словоформ обозначены многоточием. Паспортизация с указанием места хранения архивной записи приведена в конце каждого текста. Также после каждого варианта приведены вопросы собирателей и ответы исполнителей. Они позволяют уточнить

какую-либо реалию (например, что такое боровика) или получить больше сведений о контексте бытования сюжета, об источнике усвоения текста (где, когда и от кого впервые слышали песню и т. п.). Тексты не подвергались правке, особенности речи исполнителей (включая вставки «говорит», «значит») по возможности полностью переданы в расшифровках.

ТЕКСТЫ

I

Двое юных в любви вырастали, юный Иво и девушка Мара, с малолетства до полного возраста, значит, оне любили. <...> Как увидят, так радостно станет.

А значит, Ива-то был богатый, а Мара была бедна, и вот Ивова-то мать невзлюбила Мару. И вот, значит, сыну и говорит: «Женись, говорит, Ива, на этой». А он говорит: «Нет, майка, говорит, я не буду жениться». — «Женись, говорит, меж горами, говорит, есть... за горами есть Фатима, говорит, она не знат, что день, что ночь, не видала она в поле муравки». А он говорит: «Нет, майка, не пойду».

Мать поехала и привезла, значит, невесту. А невеста-то, когда мать-то приехала, дак и говорит: «Что за день, как солнца нет? А что за ночь, как месяца нет? А что за сваты, как жениха нет?» А она... мать-то и говорит: «Дак вот, говорит, милая Фатима, меж горами, говорит, есть грозная вила¹, она злато с коня да срывает, а я за него заступилась, чтобы моего единородного сына не убило».

И привезла. Привезла домой и говорит: «Ну, милая моя... Иво, говорит, иди сними свое чадо с коня». Он говорит: «Нет, майка, не пойду. Коль я заклинался, дак будь крепче камня».

Ну вот, она, значит, стала ругаться на ёго, кориться, ну и он пошел.

Пришел, значит, взял, и даже молодича не слышала, невеста, как он поздоровался. Остались их двое, значит, в спальне. Он сел на скрыни, а ей посадил на пуховые подушки. «Дай, говорит, милая моя Фатима, говорит, дай мне, говорит,

чернил и перо, говорит. Я напишу, говорит, пишу, чтобы твоя майка тебя не обидела».

И вот он, значит, сел и стал писать: «Одежьте мне тую рубашку, которую Мара любя вышивала, уберите меня цветочками теми, которы Мара любя убирала, созовите юных ношаков² неженатых и красных девиц провожать незамужних. Пронесите меня мимо Марин дом. Мы, говорит, с ей, значит, с малолетства любили, а ни разу, говорит, живого не поцеловала, пусть хоть мертвого поцелует».

Ну и вот, утром солнце высоко встало... выстало, молодё со сна... новобрачные со сна не встают. Вот мать и пришла, значит, ругаться <...>. Пришла мать, значит, идет, еще говорит: «Не любá невестка, говорит, дак не идешь».

А эта сидит молодича сама и говорит: «Не ругайся, Ивованова майка, говорит, Ива вчера был уплакан тобою, что ты силой ёго поженила. Ива, значит, говорит, уже мертвый».

Ну и ёго, значит, так и одели, как он написал. И вот понесли мимо Марин дом, а Мара-то сидела в это время шила, вышивала. У ей ниточка сорвалась. И ведь у ей было две розы посажено в голову... в волосы. Значит... И у ей розы на пальца упали. Она матери... Еще он сидит да сам и говорит: «Думает моя Мара, говорит, что Ива целует другую. Нет, говорит, не целует» (*Когда он писал...*).

А потом, значит, ёго как понесли, а она сидела шила, ниточка-то у ей сорвалась и розы на пальца упали. А она и говорит: «Мама, говорит, Иво идет». Мать и говорит: «Нет, Иво, говорит, теперь уж целует другую, говорит, к тебе больше не придет». Она говорит: «Нет, мама, Ивовановы розами пахнут».

Она, значит... несут, она вышла на крыльцо, его поцеловала, и она умерла. И их положили, значит, в одну ямку. Дак значит, вот и... Все вóпят: Ивина-то мать вóпит, и Марина-то мать вóпит, и бедной Фаты-то мать вóпит (*Фатимы-то этой, значит...*). Значит, говорит, что «Будьте

¹ Персонаж южнославянской демонологии.

² Носильщиков.

вы прокляты, те злые люди, говорит, кто двух милых в любви разлучает, а немилых любить заставляет».

Соб.: А это вы откуда знаете?

Исп.: А это... старухи пели... Старухи, да... <...> Вот у нас сумлянка была Ольга, Катерина Никифоровна-то пела, сумлянка. <...> Они пели как-то... голосом... Мы-то уже того не слышим... <...> Я от бабки одной слыхала... <...> Староверка была... <...> Староверке тоже ведь петь-то хотелось. Молодость-то была! (Зап. от Феклы Ивановны Мыхиной, 68 лет, с. Колежда, Беломорский р-н, Карелия. Соб. А. П. Разумова, Е. И. Русакова. Август 1972 г.) [ФА. 1786/11. Расшифровка аудиозаписи: НА. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 131. № 310. Л. 158–159. Машинописная копия: Л. 249–251].

II

Жили на свете Ива да девушка Мара. С малолетства до полного возраста оне, значит, любили друг друга. Днем одну песню пели, ночью одним сном спали, одной водой умывались, одним полотенцем утирались.

Ну и вот, выросли. Невзлюбила ее Ивованова майка. Мара была бедна. Она, значит, захотела сына женить. «Милое моё Иво, говорит, вот, меж горами, говорит, есть Фатима, она, говорит, не знат, что день, что ночь, не видала она в поле муравки, говорит. Вот тебе, говорит, невеста». Он и говорит: «Нет, майка! Я, говорит, не возьму. Я, говорит, ей... Коль я заклинался, дак будь я крепче камня».

Ну, она, значит, не послушала сына, пошла сама свататься. Сходила, посвата-ла там. Второй раз пошла. Пришла, сыну говорит: «Пойдем, говорит, за невестой». Он говорит: «Нет, майка, я не пойду, говорит. Коль я заклинался, да будь я крепче камня». Вот она пошла. Ну, может быть, сватов взяла там или кого, не знаю. И пошла. Пришла, а невеста и говорит: «Что за день, говорит, как солнца нет, а что за ночь, как месяца нет, а что за сваты, как жениха нет». А она говорит: «Милая моя Фатима! — говорит. Меж горами есть грозная вила, говорит, она злато с коня

срывает. А я за него заступилась, чтоб моего единородного сына не убило».

Ну и привезла. Привезла, и пришла домой, и говорит сыну: «На, милое моё, Иво, говорит, иди сними своё чадо с коня». А он говорит: «Нет, майка, не пойду. Коль я заклинался, говорит, да будь я крепче камня!»

Значит... Ну, она стала ёго ругать. И он пошел. Пришел. Не слышали никто, ни родня, ни невеста, как чтоб он поздоровался. И вот сели. Пировали, были. Их... Отвели их, значит, в спальню, и он пришел в спальню и говорит: «Милая моя Фатима», говорит, сам сел на скрыни, а ей посадил на пуховые подушки <Соб.: А что за скрыня?> А скрыня... стул. А ей посадил на пуховы подушки. «Дай, говорит, мне лист бумаги, говорит, и перо, я, говорит, напишу писульку, чтоб моя майка тебя не обидела». Ну она ему дала. Он сел и стал... А сам еще сидит ды думает: «Думает, говорит, моя Мара, что Ива целует другую. Но нет, говорит, не целует».

Он написал: «Одежьте мне тую рубашку, котору Мара любя вышивала. Уберите меня темá цветочками, которы Мара любя убирала. Соберите юных ношаков неженатых. Да красных девиц провожать незамужних. И пронесите меня мимо Марин дом. Мы, говорит, с малолетства любились, говорит, ни разу она, говорит, меня не поцеловала живого, пусть хоть мертвого поцелует».

Ну и, значит, утром солнце высоко встало, новобрачны со сна не вставают. Вот свекрова и идёт, ругается на сына: «Что, говорит, не любя жена, говорит, так не ведешь?» А она говорит: «Не ругайся, Ивованова майка, говорит, Ива вчера был уплакан тобою, что ты силой его поженила. Ива, говорит, уже мертв».

Потом понесли. Так одели, как он велел, так одели, и понесли мимо Марин дом. А Мара сидела и шила в пальцах. А у ей было две розы на головы. Одна была, значит, от Ивы, а друга от себя. И эти розы на пальцах упали. Она и говорит матери своей: «Мама, говорит, Иво, говорит, ко мне идет». А мать говорит: «Что ты думаешь, говорит, теперь Ива целует

другую, говорит». Она ей говорит: «Нет, мама! Ивовановы розами пахнет».

Она вышла на крыльцо. И она померла³. И вот их похоронили рядом. Дак на Ивы вырос бор, а на Мары боровика. По бокам их вились главные-славные ивы, а на среди их росла чемерица. Так Ивина-то мать вóпит; да и Марина-то мать вóпит. Да и бедной Фаты-то мать вóпит, что, значит, дочь... вот как сгубила.

<Соб.: А боровика-то это что такое?> А не знаю, что... <Соб.: Такое растение?>

Наверно, растение такое. Посреди их росла боровика. <Соб.: Наверное, растение такое...> Растение тако како-нибудь... <Соб.: Спасибо, хорошо рассказали>. (Зап. от Феклы Ивановны Мыхиной, 1904 г. р., с. Колежма, Беломорский р-н, Карелия. Соб. А. П. Разумова, И. А. Разумова. 29 июня 1981 г.) [ФА. 2623/5. Расшифровка аудиозаписи: НА. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 44. Л. 123–126].

III

Жили-были Ива да Мара. С малолетства оны влюбились, одною водицею мылись, одним полотенцем утирались, вместе Богу молились.

Невзлюбила Овина мама его-то любимую невесту. Ну, вот и поехала свататься, значит, через гору, на этой... на... как... на Фаи... *Как звать-то?* <Соб.: Как знаете, так и называйте>. Ну вот... А мать говорит невестина: «Что же ты за сватья, как жениха нету?». «А, говорит, на горе

Источники и материалы

Дранникова 2002 — Архангельские сказки. Из материалов лаборатории фольклора Поморского университета / Сост. и отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002.

Карацѣћ 1841 — *Карацѣћ Вук*. Српске народне пјесме. Скупио их и на свиет издао Вук Стеф. Карацѣћ. Књига прва, у којој су различне женске пјесме. У Бечу, у Штампарији Јерменскога Манастира, 1841.

НА — Научный архив Карельского научно-го центра Российской академии наук.

стоит большая ива, убьет мне единого сына».

И вот оны споженились. Когда споженились, Мара сидела вышивала, значит, в пяхах шила. У ей сломалась иголка, ниточка выпала из иголки. «Ой, мама, говорит, у Овы несчастье случилось». Она: «Что ты, говорит, несчастье, когда он теперь уже женился, говорит, дак у ёго, говорит, никакого несчастья не должно быть».

А потом, значит, он заболел, вот вечером-то, как женился, и попросил у жены, значит, бумагу и перо и написал, что... а сам скончался (А потом я не знаю, как же скончался-то, что-то я не помню. Каким побытом он скончался?).

<...> «Утрите меня тем полотенцем, которое мне Мара любя вышивала. И одежте мне тую рубашку, котору <...>. А одежте мне тую рубашку, котору мне Мара любя вышивала. Уберите мне гроб тема цветамы, которы мне Мара любя поливала. Ну и вот, пронесите меня мимо Мариного окошка, хоть живого она не целовала, пусть мертвого пусть она меня поцелует».

И Мара тоже тут же померла с ним вместе. Больше я уж не знаю. (Зап. от Зинаиды Кирилловны Синицыной, 1911 г. р., с. Колежма, Беломорский р-н, Карелия. Соб. А. П. Разумова, И. А. Разумова. 29 июня 1981 г.) [ФА. 2623/9. Расшифровка аудиозаписи: НА. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 48. Л. 137–138].

Орлов, Лихоткин 1979 — Орлов П. А., Лихоткин Г. А. Примечания // Поэты-радищевцы. Л.: Сов. писатель, 1979. С. 521–565.

Разумова 2011 — Разумова И. А. Разумова Александра Павловна: к 100-летию со дня рождения // У истоков карельской фольклористики. Вып. 3: К 100-летию А. П. Разумовой. Биография, библиография, опись архивных материалов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. С. 5–23.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барга, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979.

³ Прим. соб.: «Исполнительница Мыхина плачет» [НА. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 44. Л. 126].

ФА — Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук.

Щербина 1860 — *Щербина Н. Ф.* Йово и Мара. Сербская народная поэма. М.: В типографии Каткова и К°, 1860.

Щербина 1866 — *Щербина Н. Ф.* Йово и Мара. Народная былина сербская // Пчела: Сб. для народного чтения и для употребления при народном обучении. СПб.: Печатня В. Головина, 1866. С. 372–381.

Исследования

Марковская 2024 — *Марковская Е. В.* История русской фольклористики Карелии конца XX в. (1970–2000): особенности полевых ис-

следований // Традиционная культура. 2024. Т. 25. № 1. С. 175–186.

Маројевић 1987 — *Маројевић Р.* Поетика превода *Српских песама* Александра Востокова // Маројевић Р. «Сербскія пѣсни» Александра Востокова. Горњи Милановац: Дечје новине, 1987. С. 7–55.

Петров 2023 — *Петров А. М.* Сербский стих на русской почве: художественные переводы и фольклорные версии баллады «Йово и Мара» из собрания народных песен Вука Караджича // Сборник Матице српске за славистику. 2023. Књ. 104. С. 9–34.

Смирнов 1965 — *Смирнов Ю. И.* Сербская баллада на Русском Севере // Советское славяноведение. 1965. № 6. С. 54–59.

© А. М. Петров, 2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Петров А. М. <https://orcid.org/0000-0002-5095-4254>

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН: Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; тел.: +7 (8142) 78-18-86; e-mail: hermitage2005@yandex.ru

Several Late Northern Russian Recordings of the Serbian Ballad about Jovo and Mara (From the Archives of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences)

Alexander M. Petrov

(Institute of Linguistics, Literature, and History, the Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences: 11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Summary. *This publication presents folklore materials from the archives of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. In the 1970s and 1980s, folklorists from the Center tape-recorded three prose versions of the rare ballad about Jovo and Mara. The lyrics are of Serbian origin; the ballad was first published by Vuk Karadžić. It was translated into Russian by A. Kh. Vostokov, N. F. Shcherbina, A. Akhmatova and P. Erastov. The ballad entered Russian folk culture thanks to the translation by Shcherbina. It was his poem that was sung or retold, although it did not receive wide distribution. Traces of the ballad in the Russian North were discovered by A. F. Gil'ferding in the nineteenth century. By the end of the twentieth century, the ballad circulated in the form of a prose retelling. This article publishes three versions of the work with commentary; it notes the similarities and differences between the oral version and Shcherbina's literary text and offers explanations for some of the "dark spots" of the retelling.*

Key words: folklore, ballad, Vuk Karadžić, Nikolai Shcherbina, Serbian-Russian cultural ties, Karelia, Karelian Pomor'e, expedition, archives.

Acknowledges. *The research was supported financially from the federal budget for the implementation of the state assignment of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (No. 124022000077-1).*

Received: February 13, 2026.

Date of publication: June 30, 2026.

For citation: Petrov A. M. Several Late Northern Russian Recordings of the Serbian Ballad about Jovo and Mara (From the Archives of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences). *Traditional Culture*. 2026. Vol. 27. No. 2. Pp. 109–118. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.2.008>

References

Markovskaya E. V. (2024) *Istoriya russkoi fol'kloristiki Karelii kontsa XX v. (1970–2000): osobennosti polevykh issledovaniy* [History of Russian Folklore in Karelia at the End of the Twentieth Century (1970–2000): Special Features of Field Research]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2024. Vol. 25. No. 1. Pp. 175–186. In Russian.

Marojević R. (1987) *Poetika prevoda Srpskikh pesama Aleksandra Vostokova* [Poetics of Translations of “Serbian Songs” by Alexander Vostokov]. In: «Serbskiya pesni» Aleksandra Vostokova [“Serbian Songs” by Alexander Vostokov]. Gornji Milanovac: Dechje novine. Pp. 7–55. In Serbian.

Petrov A. M. (2023) *Serbskii stikh na russkoi pochve: khudozhestvennye perevody i fol'klornye versii ballady «Iovo i Mara» iz sobraniya narodnykh pesen Vuka Karadzichia* [Serbian Verse on Russian Ground: Literary Translations and Folklore Versions of the Ballad “Jovo and Mara” from Vuk Karadžić’s Collection of Folk Songs]. *Zbornik Matice srpske za slavistiku* [Matica Srpska Journal of Slavic Studies]. 2023. No. 104. Pp. 9–34. In Russian.

Smirnov Yu. I. (1965) *Serbskaya ballada na Russkom Severe* [A Serbian Ballad in the Russian North]. *Sovetskoe slavyanovedenie* [Soviet Slavic Studies]. 1965. No. 6. Pp. 54–59. In Russian.

© A. M. Petrov, 2026

ABOUT THE AUTHOR

Alexander M. Petrov <https://orcid.org/0000-0002-5095-4254>

E-mail: hermitage2005@yandex.ru

Tel.: +7 (8142) 78-18-86

11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature, and History, the Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)